

Когда Ли Жуань обнаружил, что снова проснулся в объятиях Цзян Шэня, он так испугался, что чуть не свалился с постели.

Он поспешно протянул руку, чтобы проверить температуру Цзян Шэня.

К счастью, не горячий.

Стоп... рука?

Ли Жуань опустил взгляд и увидел — тонкие, белые как нефрит, человеческие руки.

Он замер, пальцы всё ещё инстинктивно были слегка согнуты, будто маленькие лисьи лапки.

Затем он резко посмотрел на человека рядом.

— Цзян Шэнь! Цзян-Цзян! — Ли Жуань взволнованно позвал. — Я снова могу принимать человеческий облик!

— Угу.

— Почему ты совсем не радуешься?! — возмутился Ли Жуань.

— Я очень рад, — пробормотал Цзян Шэнь.

Он даже глаза не открыл, а голос был таким, будто он на грани отключки.

Радости в нём, мягко говоря, слышно не было.

Ли Жуань же действительно был счастлив.

Он не мог усидеть спокойно в его руках, шевелился, вертелся и непрерывно тараторил:

— Почему ты опять спал со мной? Если бы ты заболел, было бы столько хлопот! Ты дал мне одежду — это я сам её надел? Или я уже заснул, когда ты её на меня напялил? И почему я не проснулся, когда...

Но договорить он не успел — руки вокруг него сомкнулись, крепко притягивая обратно.

Цзян Шэнь, словно успокаивая лисёнка, лениво сжал ему затылок — как гладят зверька за

шкурку.

— Не шуми... — слабо сказал он. — Спать хочу...

Конечно, он рад, что лисёнок снова стал человеком.

Но радость радостью — а спать всё равно нужно.

Прошлой ночью лисёнок превратился в человека и крепко спал у него на руках.

Чтобы не разбудить его, Цзян Шэнь принял лекарство и продержался всю ночь.

Но почти сразу пожалел об этом.

Голова после лекарства не кружилась, зато... как вообще можно уснуть, когда в руках внезапно оказывается голый человек?

Короче говоря, всю ночь Цзян Шэнь был крайне бодр — во всех смыслах — и только под самое утро чуть-чуть задремал.

Он вздохнул и, почти засыпая, пробормотал:

— Может, вернёшься обратно?

— Нет! — сразу отказался Ли Жуань. — Я так долго пытался восстановить форму, теперь хочу проверить, вернулась ли моя мана!

Он выскользнул из рук Цзян Шэня, вскочил на ноги и спрыгнул с постели прямо в одежде.

Фигура у юноши была лёгкая, он даже не издал звука, ступив босыми ногами на каменный пол.

Он повернулся, чтобы что-то сказать Цзян Шэню...

Вжух!

Мягкий красноватый свет мелькнул — юноша исчез.

Одежда упала на пол, а посередине шевельнулся маленький комочек.

Из одежды с трудом выбрался маленький лисёнок, лапками раздвинул складки ткани и, выбравшись наружу, без сил растянулся на полу.

Он снова обратился.

Цзян Шэнь отвёл взгляд, будто облегчённо, перевернулся на бок и натянул верхнюю одежду себе на голову.

Наконец-то можно нормально поспать.

Ли Жуань не расстроился.

Раз он уже смог принять форму хоть на короткое время, значит, сможет разобраться и стабилизировать её — снова начать практиковаться.

Когда Цзян Шэнь проснулся, Ли Жуань сразу потащил его разбирать вчерашние события подробно, шаг за шагом.

Они вдвоём долго и серьёзно анализировали всё и в итоге пришли к выводу:

Во-первых: эссенция Цзян Шэня действительно способна восстанавливать силу Ли Жуаня.

Но из-за того, что его духовные корни разрушены, он не может управлять поглощённой духовной силой.

Поэтому и не способен удержать человеческую форму.

Это похоже на маленьких духовных зверей, которые только что обрели сознание: они могут поглощать духовную энергию, но не умеют ею пользоваться.

Чтобы научиться управлять маной, нужно заново построить фундамент — выстроить новую базу.

Получится это легко или тяжело — зависит только от его природы.

Но самое важное: построение фундамента требует большого количества духовной энергии.

И именно эту проблему они теперь решили.

— Ты уверен, что это сработает? — Цзян Шэнь с сомнением посмотрел на голубую глазурированную бутылочку, которую лисёнок поставил перед ним.

Ли Жуань уверенно кивнул:

— Точно сработает.

Этот тоник мог восстановить энергию ян Цзян Шэня, а ян, преобразуясь в эссенцию, тут же поглощался Ли Жуанем — поэтому Цзян Шэнь не заболел от чрезмерной траты энергии.

Таков вывод, к которому пришёл Ли Жуань после долгих рассуждений.

Он добавил:

— Подумай сам: А-Сюэ ведь говорил, что однажды тебе точно понадобится это лекарство. Разве он не имел в виду именно сегодняшний день? Мы просто раньше не знали, как им правильно пользоваться, вот и потратили столько времени впустую.

Цзян Шэнь: — ...

Но всё же он чувствовал, что А-Сюэ говорил совсем о другом.

Хотя... в словах лисёнка была своя логика.

После вчерашней пилюли он действительно не проснулся разбитым.

И, вероятно, потому что лисёнок всю ночь поглощал его сущность, у него почти не было той раздражающей, горячей ломоты, которая обычно появлялась после приёма лекарства.

Что же касается той самой неконтролируемой... аномалии...

Ну... это наверняка просто побочный эффект пилюли.

Точно не его собственная реакция.

Определённо.

— Так можно? — Ли Жуань снова потянул его за рукав, когда Цзян Шэнь долго не отвечал. — Если тебе не подходит двойное культивирование и не подходит лекарство... тогда, может, правда найти другого смертного? В горах Чанмин столько пещер, можно запереть его в одной

— он тебе мешать не будет.

— Нет. — Цзян Шэнь ответил слишком быстро.

Ли Жуань посмотрел на него, и в ярко-красных глазах появилось такое обиженное выражение, будто ему отказали в самом важном.

Цзян Шэнь сдался:

— Ладно... ладно, я буду пить лекарство.

Вероятно, он первый в мире, кто подкармливает оборотня тониками.

Но, по крайней мере, это лучше, чем двойное культивирование.

Утешил он себя таким образом.

Лисёнок и правда превращался в человека так нестабильно, что если они вдруг попробовали бы двойное культивирование... он мог бы прямо посреди процесса снова стать лисом — как утром.

Цзян Шэнь даже представлять дальше не хотел.

Так человек и лис с трудом достигли согласия.

В следующие дни у Цзян Шэня появилось новое ежедневное занятие.

Каждое утро и каждый вечер он принимал по одной пилюле, а когда лекарство начинало действовать, позволял лисёнку прижаться к себе и полчаса выпитывать преобразованную энергию ян.

Благодаря такой молчаливой и точной слаженности, состояние Ли Жуаня постепенно улучшалось.

В первые дни было сложнее.

Ли Жуань не знал ни когда именно лекарство полностью усваивается, ни сколько эссенции нужно забирать.

Сейчас Цзян Шэнь был уже не так слаб, как в период тяжёлых ранений — и небольшое

превышение ему не вредило.

Но иногда, если лисёнок опаздывал или замедлялся, последствия всё равно были заметны.

Несколько раз лицо Цзян Шэня мрачнело, и после того как лисёнок заканчивал поглощать, ему приходилось идти в горячий источник в долине — «остывать» и приходить в себя.

Действительно пришлось немало потерпеть.

Со временем физическая часть стала переноситься легче, организм привык, и такие инциденты случались всё реже.

Но появилась другая проблема.

Цзян Шэнь отложил книгу, посмотрел на густой лес вдаль и тяжело вздохнул.

С тех пор как лисёнок снова начал практику, кроме утренних и вечерних сеансов, Цзян Шэнь вообще перестал его видеть.

Того не бывало даже на обед — он уходил в лес с парой фруктов и пропадал весь день.

Совсем превратил его в печку для пополнения энергии.

Цзян Шэнь сидел у входа в пещеру, будто одиноко сторожил пустой женский покой.

Внезапно в небе раздался взмах крыльев.

Цзян Шэнь поднял глаза — синица снова принесла письмо.

Но это была не единственная птица.

Синица наконец-то научилась хитрить.

После того как ей надоело самой летать туда-сюда с письмами, она нашла в горах Чанмин стаю птиц, которые ещё не улетели на юг, и повела их в столицу.

Там она раздала им еду, приготовленную в лавке друзей Цзян Шэня, и поручила каждой доставлять письма.

После нескольких таких случаев сама синица теперь только показывала путь, а письма уже носили другие птицы.

И после такого путешествия у птиц всё ещё оставалось много еды.

Цзян Шэнь подумал, что если бы эта маленькая синица могла принимать человеческий облик, то в мире смертных она наверняка стала бы очень успешным торговцем.

Сегодня всё было так же: синица вела путь, а несколько птиц сзади совместными усилиями несли маленький узелок и положили его к ногам Цзян Шэня.

Но в узелке не было письма.

Письмо было только одно — его держала в клюве другая птица.

А в узелке был полный мешочек юаньсяо.

Цзян Шэнь внезапно спросил:

— Уже... Новый год?

В горах время теряет очертания.

Он провёл на горе Чанмин больше двух месяцев и почти забыл о таком важном дне.

Он не стал сразу разбирать мешочек с юаньсяо, а сначала развернул письмо.

В письме было всего три слова:

— Рыба на крючке.

Птицы весело чирикали у него под ногами.

Цзян Шэнь легко улыбнулся, вернулся в пещеру, бросил письмо в огонь — и оно тут же вспыхнуло и исчезло.

После этого он взял немного фруктов и раздал маленьким помощникам.

— Сегодня отвечать не нужно, можете лететь, — сказал Цзян Шэнь.

Синица звонко чирикнула и улетела вместе со всеми своими помощниками.

Когда стая скрылась из виду, Цзян Шэнь перевёл взгляд на лес.

Уже темнело. Пора позвать лисёнка есть юаньсяо.

Когда он вышел наружу, на горе Чанмин снова пошёл снег.

Цзян Шэнь шагал по мягкому насту, углубляясь в лес.

Кругом стояла тишина; кроме его шагов и шума ветра не было ни единого звука.

Лисёнок упоминал, где обычно практикует, но Цзян Шэнь почти никогда не ходил туда — не хотел мешать.

Он прошёл немного в глубь леса и вскоре заметил знакомый ярко-красный силуэт на небольшой поляне.

Лисёнок сидел, скрестив лапки, прямо в снегу, с закрытыми глазами.

На его шкурке лежал толстый слой снега — но он не шевелился, будто вовсе этого не замечал.

Цзян Шэнь остановился.

Он знал лисёнка уже давно — но впервые видел его таким серьёзным.

Лисёнок постоянно болтал о практике, о вознесении, будто это не самая сложная вещь на свете.

Но как же она может быть несложной?

Обычным оборотням нужны сотни лет тренировок, чтобы обрести человеческую форму и тем более вознестись.

И ещё неизвестно, сколько сотен лет потребуется.

А всё, что он накопил за эти века, — рухнуло.

И теперь ему приходится начинать заново, с нуля, шаг за шагом, опираясь только на ту

крошечную духовную энергию, которую он получает через Цзян Шэня.

Почему?

Что же заставляет его платить такую цену?

Цзян Шэнь поднял взгляд к небу.

На Девяти Небесах... что такого важного?

В груди неожиданно возникло странное чувство.

С детства, как представитель королевской семьи, он усвоил простую истину: если чего-то хочешь — бери.

Будь достаточно силён — и в мире нет ничего, чего нельзя получить.

Всё будет подвластно тебе.

Но здесь он понял: вещей, неподконтрольных человеку, гораздо больше, чем он думал.

Есть люди выше людей.

И есть небо выше неба.

Снегопад усилился.

Снежинки тихо ложились на землю, и половина тела лисёнка уже скрылась под снегом.

Цзян Шэнь закрыл глаза, выровнял дыхание.

Последнее время он слишком часто впадал в тяжёлые раздумья.

Это плохой знак.

Он тихо вздохнул и сделал шаг вперёд — но вдруг...

Внезапно вокруг лисёнка вспыхнул красный свет.

Свет был мягким, как туман, образовав вокруг маленького тела тонкое сияние, полностью его охватывающее.

В этом светящемся коконе фигура лисёнка начала медленно меняться.

И перед ним уже был... юноша.

Как новорождённый младенец, его тело было свернувшимся внутри сияния — тонкие руки обнимали колени, а длинные чёрные волосы развевались под порывами ветра и снега.

Потом юноша приподнял голову из-за своих рук и моргнул.

Свет вокруг него постепенно рассеялся.

Цзян Шэнь застыл на месте.

В отличие от того, как он раньше видел лисёнка — либо внезапно принимающего человеческий облик, либо являющегося в виде призрачного силуэта, — сейчас он впервые наблюдал полный процесс превращения.

Лицо юноши было очень светлым, почти ослепительно белым, выражение — слегка ошеломлённым.

Он огляделся по сторонам и вскоре заметил Цзян Шэня.

Его глаза тут же вспыхнули радостью.

Пустота зимнего леса, снег, холод — всё это потеряло значимость перед той улыбкой, что возникла у него в глазах.

— Цзян Шэнь, я построил фундамент! — радостно позвал он. — Я могу принимать облик!

Цзян Шэнь не ответил.

Он смотрел на юношу, и его взгляд медленно скользнул с лица вниз... а затем — за его спину.

Юноша тоже почувствовал неладное и повернул голову.

За его спиной металась пушистая хвостовая кисточка — хвост был пышный, яркий, и, поскольку хозяин пребывал в восхищённом настроении, кончик хвоста задорно торчал вверх.

А на голове, из густых волос, торчала пара лисьих ушей.

Юноша нахмурился, и уши печально опустились.

— Хвост... похоже, он не меняется назад, — пожаловался Ли Жуань, таща за собой лишний хвост.

Цзян Шэнь всё ещё молчал.

Он отвёл взгляд в сторону — и вдруг ощутил, как что-то тёплое и влажное стекает у него между носом и губами.

Поднял руку, коснулся...

И увидел на пальцах кровь.

<http://bllate.org/book/14444/1277234>